

ВАДИМ НЕСТЕРОВ

Герои вчерашних дней

12+

Вадим Нестеров

Герои вчерашних дней

«Автор»

2019

Нестеров В.

Герои вчерашних дней / В. Нестеров — «Автор», 2019

Небольшая повесть о проникновении русских на Амур в XVII веке, о знакомстве России с Китаем, обернувшимся первой и последней русско-китайской войной. Рисунок на обложке - картина художника Николая Каразина (1842-1908), находящаяся в общественном достоянии.

© Нестеров В., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Вадим Нестеров

Герои вчерашних дней

Вадим Нестеров

Герои вчерашних дней

*От героев былых времен
Не осталось порой имен
Те, кто приняли смертный бой
Стали просто землей, травой...*
(старая песня)

Глава первая

Эта история произошла давным-давно, на самом исходе XVII века, и была, по сути, последним эпизодом нашего «Великого броска на Восток».

Как вы помните, «встречь Солнцу», к берегам Тихого океана, наши землепроходцы шли по великим сибирским рекам, и когда я был маленький, меня это очень удивляло. Ведь все сибирские реки текут с юга на север, и приплыть по ним можно разве что в Северно-Ледовитый, но никак не в Тихий океан. Это потом мне умные люди объяснили, что плыли не по самим рекам, а по их притокам, которые, как ветки у дерева, как раз вполне горизонтальные, а не вертикальные. Более того – эти «ветки» разных рек довольно близко подходят друг к другу, так что можно, доплыв до истока одной, волоком по суше перетащить суда к истоку другой и перебраться, например, из Оби в Енисей.

Но есть одна великая река – самая дальняя от центральной России, которая течет не вертикально, а горизонтально. Это река – Амур, и на нее мы пришли, естественно, позже всего. И, как выяснилось, ненадолго.

Но давайте все-таки о героях. Уж с чем-чем, а с героями, от которых не осталось даже имен, у нас в стране полный порядок. Порядок, примириться с которым – значит расписаться в полном своем ничтожестве. Слава богу, это не так. И сегодня есть люди, которые вытаскивают память о забытых героях из забвения, и низкий им за это поклон.

Давайте вспомним лишь о двух «героях былых времен».

Наших героев звали достаточно просто – Алексей и Афанасий. Но в этой истории есть еще одно имя собственное, тоже на «А». Это название города, которого сегодня уже не существует, но именно в этом городе в свое время сошлись и судьбы этих двух человек, и судьбы двух великих цивилизаций – России и Китая.

Город этот звался Албазин.

Макет русского Албазина, восстановленный по археологическим данным.

К сожалению, в школах у нас учат почему-то только «европейскую» историю России. Полное впечатление, что все главное происходило именно там, а то, что творилось за Уралом, достойно в лучшем случае мимолетного упоминания парой абзацев. Поэтому, надеюсь, вы простите мне небольшой исторический экскурс.

Кто-то очень удачно сравнил Россию и Китай с двумя ведрами на коромысле. Два огромных народа, две великие земледельческие цивилизации, но между ними коромыслом пролегла Великая Степь. Много столетий и те, и другие вынуждены были решать вечную проблему Средневековья, проблему сосуществования пахаря и кочевника, Города и Орды. Кочевники Великой Степи были почти непреодолимой стеной, разделявшей Россию и Китай, однако нет в подлунном мире ничего вечного. Наступил момент, когда номады проиграли свою вечную битву с сартами и кочевой тип цивилизации начал умирать. Город, естественно, начал наступление, и встреча двух цивилизаций, которые до сих пор практически ничего не знали друг о друге, стала неизбежной. Произошла она на реке Амур.

Как всегда в этой жизни, от первой встречи зависело очень многое. Верно говорят умные люди: «Первое впечатление можно произвести только один раз». История о том, как встречались и знакомились Россия и Китай очень долгая, хотя и очень интересная, но сейчас у нас нет времени в нее углубляться. Скажу лишь, что нам не очень повезло – первое впечатление мы оставили не самое лучшее.

И «благодарить» за это надо человека по имени Василий Поярков. Да-да, того самого первопроходца, которого изучают в школе, именем которого называются улицы, и так далее, и тому подобное. Именно он первым совершил плавание по Амуру, поэтому именно на основании его поступков и начала формироваться наша репутация в глазах китайцев. К нашему несчастью, письменный голова Васяка Поярков был редким подонком даже по меркам того, далеко не благодного, времени. Наши первопроходцы, надо сказать, почти все были далеко не пай-мальчиками, но до таких низостей никто из них не опускался ни до, ни после.

Я не буду описывать всех мерзостей, творимых во время его похода, скажу лишь, что в итоге у местного населения (а через них – и у китайцев) русские заработали кличку «лоча» – от искаженного индийского «ракшасы» – злобные демоны. Кличку, от которой мы избавились только в конце XIX – начале XX века.

Вскоре после Пояркова на разведанном Амуре появился Ерофей Хабаров, которого тогда чаще звали Ярошкой, и ему город Албазин, собственно, и обязан своим возникновением. Во время одного из походов в 1651 году ватага Хабарова захватила брошенное городище князька туземного племени дауров Албазы, сожгла его, и на этом месте казаки поставили острог, который и называли Албазинским. Правда, просуществовал этот первый Албазин недолго – преемник Хабарова Онуфрий Степанов, уходя с Амура, сжег его.

Второе рождение Албазина последовало через десять с лишним лет, в 1665 году, и тоже было отнюдь не пасторальным. В самой восточной губернии России – Иркутской, случился бунт. Больно уж «баловал» воевода Илимский Лаврентий Обухов – не брезговал ни вымогательством, ни грабежом, а главное – больно уж охоч был до женского пола. На ухаживания время не тратил, а насилован женок едва ли не на глазах у мужей. Этим и согрешил во время визита в Киренский острог, на этом и погорел. Служилый илимский человек, ссыльный поляк Никифор Черниговский не стерпел похабства, взыграла шляхетская кровь, да подбил он народ на расправу с охальником. В общем, охрану вырезали, воеводу прикончили, а от гнева государева подались 84 бунтовщика во главе с Черниговским на вольный Амур. Поскольку бежали навсегда, а жить в дикости людям православным невозможно, увели с собой силком батюшку, иеромонаха Ермогена, да прихватили икону редкую, которая ныне известна как чудотворная Албазинская икона Божией матери, она же «Слово плоть бысть» (Слово стало плотью).

На Амуре осели на месте не забытого еще Албазина. Черниговский взялся за дело всерьез – беглые бунтари отстроили крепость, ясак с местных племен брать начали, пашни распашали. Слухи о новом поселении разошлись и потянулись в возрожденный Албазин новоселы. Причем Никифор, судя по всему, был далеко не дурак, понимал, что из под руки государевой надолго не уйдешь, это сейчас Амур вольный, а завтра? Поэтому часть собираемого ясака не себе оставлял, а посылал в ближайший город Нерчинск. Ситуация, что и говорить, странноватая – беглые бунтовщики с первого же года начали аккуратнейшим образом платить государству налоги. Более того – послали в Москву челобитную, подкрепленную изрядной суммой – сорок сороков соболей. В челобитной осужденный на смертную казнь Черниговский и 46 его товарищей, приговоренных «ко истязанию на теле», просили милости и прощения, обещая взамен подвести Амур под руку государеву. И ведь добились своего – через семь лет после бунта, в 1672 году, все бунтовщики получили «за вину прощение» и были зачислены на государственную службу, а Черниговский, сверх того, был пожалован деньгами.

Албазин, ставший своего рода столицей русских поселений на Амуре, рос очень быстро. За год до прощения, в 1671 году тот самый иеромонах Ермоген основал рядом с острогом Спасский монастырь. В общем, к 1681 году русские уже изрядно обжились на великой реке – в разных местах появилось еще семь острогов, кроме того, по Амуру было несколько слобод и деревень. Изрядно развивалось земледелие – выращенный хлеб уже не только обеспечивал потребности колонистов, но и экспортировался в соседние, северные забайкальские области, где хлебушек вызревал плохо.

Наконец, амурские земли были официально включены в состав России – в 1681 году было образовано Албазинское воеводство, и учрежден его герб – орел с распростертыми крыльями, зажавший в лапах лук и стрелы. Был назначен и первый албазинский воевода – сын боярский Алексей Ларионович Толбузин, который и выехал к месту своей новой службы.

Об этом человеке, ставшим первым и последним на долгие годы «амурским губернатором» известно немного. Он принадлежал к довольно известному дворянскому роду. Толбузины (также Толбухины и Толбугины) происходили от князей Фоминских и Березуйских, отрасли князей Смоленских, и были хоть и древним, но не очень заметным родом. Из всех его предков в истории остался, пожалуй, лишь Семен Иванович Толбугин, который был посланником Ивана III в Венеции (1474–75).

Скорее всего, на назначение молодого воеводы повлияло то, что он был «из местных». Дело в том, что его отец, сын боярский Ларион Борисович Толбузин, был вторым воеводой соседнего Нерчинска, сменив на этом посту знаменитого воеводу Пашкова, которого обессмертил в своем «Житие» наш первый великий писатель – протопоп Аввакум. Ларион Борисович хозяйствовал на юго-восточной окраине России пять лет, с 1662 по 1667 год и оставил о себе добрую, в отличие от буйного Пашкова, память. Сын наверняка служил при нем же, в сибирских землях это была обычная практика.

И вот – первое самостоятельная должность, впервые можно выйти из тени отца и доказать всем, что Алексей Толбузин чего-то стоит не только при папеньке, но и сам по себе. Молодой воевода собирается в дорогу, которая оказалась довольно долгой – до места назначения Алексей добрался по бездорожным сибирским землям лишь через два года, в 1684 году.

Глава вторая

Меж тем ничего хорошего на новом месте его не ждало. Именно на Амуре Россия и Китай зацепились всерьез, и игнорировать друг друга больше не могли. Расположенная за много тысяч верст Москва даже не подозревала, что Китай давно считал амурские земли своими и терпеть там самозванных захватчиков не собирался. Если до сих пор на присутствие русских смотрели сквозь пальцы, то только потому, что других дел хватало.

Китай раздирали междоусобицы, как раз в это время пришедшая к власти новая (она же окажется и последней) династия Цинь утверждала свою власть. Маньчжуры завоевывали Китай, и новая власть гораздо больше была озабочена покорением сопротивлявшихся южан, чем какими-то волосатыми варварами, появившимися на севере. Однако шансов «отсидеться» у наших предков не было. Дело в том, что для китайцев маньчжуры, как вы помните – кочевники, пришедшие с севера.

А для маньчжур южное побережье Амура, как и вся область, ныне называемая Маньчжурией, – это их родовые земли. И пускай на Амуре они никогда не жили, пусть населения на севере почти не осталось – все ушли в поход на Китай – это не повод терпеть в непосредственной близости от прародины каких-то наглых пришельцев, которые бесстыдно воспользовались ситуацией. Поэтому «амурская проблема» непременно должна быть решена – как только позволят обстоятельства.

Обстоятельства позволили, естественно, в 80-х годах, когда династия утвердилась, южные земли были покорены, и был захвачен последний оплот сепаратистов – остров Тайвань. Молодой император Канси посылает на север письма с указаниями, и вот как об это пишет китайская хроника: «[от русского царя] так и не было получено ответного донесения, русские же, рассчитывая на отдаленность, напротив, приходили к реке Зее, строили здесь свои жилища и занимали местность. Император повторно приказал далисы цин Минъяо с товарищами отвезти им грамоту с приказом, чтобы они вернулись обратно, но они не отступили, укрывшись в Албазине. И вокруг него пашут и сеют, ловят рыбу и охотятся. Они много раз тревожили и грабили местное население – солонов, хэчжэнь, фэйяка и цилэр, которое находилось в постоянном беспокойстве. Император, разрабатывая планы [дальнейших действий], обратился [к советникам] со следующими словами: «Если вы не накажете [их] с помощью военной силы, то разве [они] поймут, что такое наказание и страх? [Они] и впредь будут совершать набеги». И в связи с этим он принял решение о походе и искоренении их».[1]

Война была неминуема. На Сунгари, правом, «китайском» притоке Амура, спешно строился флот. В Гирине строились новые верфи, ремонтировались старые и готовились новые речные суда. К единственному китайскому поселению на Амуре – Айгуню стягивались войска, подвозилась тяжелая артиллерия. Собиралась армия, и собиралась она для войны.

Вот на эту-то войну, и ехал, не подозревая о том, молодой воевода Алексей Толбузин...

В начале 80-х годов маньчжуры начали планомерную «зачистку» Амура от русских. В 1682 г. были уничтожены Долонский и Селембинский остроги, в 1683 г. – разорены Зейский и Тугирский остроги. К концу 1684 г. из всех русских поселений на Амуре оставался один только Албазин. Естественно, российские власти сложившаяся ситуация тревожила, и преизрядно. Сибирских воевод обязали отправить в Даурию тысячу казаков, даурским воеводам, нерчинскому Ивану Власову и албазинскому Алексею Толбузину особым указом предлагалось быть готовым к нападению маньчжуров, но вести себя аккуратно и самим «с иноземцами всех земель ссор и задоров никаких не чинить».

Нерчинский воевода Иван Евстафьевич Власов. Парсуна работы Григория Адольского. 1695 год. Нижегородский художественный музей

Ну, положим, как себя вести, оба забайкальских воеводы и без советов знали – ситуация не способствовала шапкозакидательским настроениям. А вот с отправкой подкрепления все было куда сложнее. Дело в том, что в своем стремительном движении «встречь Солнцу» молодая Россия набрала такой темп, что банально не успевала подтягивать тылы. В итоге в Восточной Сибири не было не то что воинских резервов – там населения-то практически не было! Поэтому подкрепление для Толбузина, сидевшего на Амуре, начали формировать не больше ни меньше, как в Тобольске. Кто не помнит, где это – возьмите карту. Западной, а не Восточной Сибири.

На обязательства выделить людей воеводы прореагировали так, как реагируют и сейчас – всеми способами отвиливали, а коль уж не удавалось, давали тех, от кого не знали как избавиться. Тысячу казаков в итоге так и не набрали – шестисотенный полк был сформирован лишь к весне 1684 г. Сформирован из сибирских казаков, их родственников, а то и просто из «гулящих людей», которых в Сибири всегда хватало. Проще говоря, зачисляли туда всякий сброд, кого поймают.

По дороге из Тобольска в Енисейск это воинство уже успело прославиться. Недовольные обеспечением, они едва не взбунтовались, на временно приданое начальство откровенно плевать хотели, сформировали собственные «воровские» казачьи круги, и всю дорогу занимались самообеспечением посредством грабежа. В Енисейске, куда они добрались лишь к концу лета, дело чуть не дошло до резни между бандитствующим «подкреплением» и местным гарнизоном. В итоге местный воевода Щербатов от греха подальше выдал архаровцам все, чего они требовали, посадил их на суда (дощаники) и, перекрестившись облегченно, отправил дальше. Да, еще в Енисейске это буйное воинство наконец получило постоянного командира. Казачьим головой у них стал енисейский сын боярский Афанасий Бейтон.

Вот мы и добрались до второго героя нашего повествования. Долгое время Афанасий Бейтон был в нашей исторической науке персонажем почти легендарным. Для начала – никто толком не знал даже его национальности. Историки объявляли его то прусским дворянином, то уроженцем Альбиона – не то шотландцем, не то англичанином, а то просто, не мудрствуя лукаво, именовали «немцем», то есть западноевропейцем из какого угодно государства. И лишь уже в наши дни сибирский историк А.С. Зуев, буквально по крупицам добывая информацию, разобрался, наконец, с биографией этого неординарного человека.[2]

Настоящее его имя неизвестно до сих пор – Афанасием Ивановичем его называли, естественно, уже в России. Бейтон родился в Пруссии, и, судя по всему, как и многие нищие прусские дворяне, зарабатывал на жизнь шпагой. Скорее всего, участвовал в Тридцатилетней войне, выслужил там офицерский чин, а после ее окончания, оставшись, как и многие профессиональные наемники, не у дел, завербовался на службу в далекую и таинственную Московию. Да, иностранцев на русскую службу начали вербовать задолго до Петра, и «полки иноземного строя» появились у нас в стране за много лет до реформ четвертого Романова. Особенно большой призыв был накануне русско-польской войны 1654–1667 годов. В числе прочих в 1654 году был зачислен «в чину капитанском и порутчиком» военспец Бейтон и отправился он «ис под Смоленска служить в полк боярина и воеводы князя Алексея Никитича Трубецкого».[3]

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.